

*Задворнов А.Н., кандидат философских наук, доцент,
Набережночелнинский институт ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»*

КОНЦЕПЦИИ БОГОЧЕЛОВЕКА И ЧЕЛОВЕКОБОГА В ЕВРОПЕЙСКОЙ И ЕВРАЗИЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Аннотация. В статье проводится анализ и сопоставление концепций человекобога и богочеловека как культурных доминант цивилизации. Показано, что идеал человекобога вырабатывался в европейском, а богочеловека в евразийском философском сознании. Делается вывод о том, что в важнейшей культурной доминанте европейская и российская цивилизации не совпадают. Взаимодействие этих цивилизаций полезно в форме добровольного усвоения положительного опыта, но не должно переходить в симбиоз, который, из-за разности культурных доминант, будет сопровождаться риском потери национальной идентичности. Ядром национальной идентичности выступает метафизическое предназначение, состоящее для российского народа, в развитии богочеловеческой цивилизации.

Ключевые слова: богочеловек; человекобог; культурная доминанта; национальная идентичность; соборность.

На протяжении многих столетий ведется дискуссия о том, что есть Россия как цивилизация. Россия – это Европа? Россия – это Азия? Россия – это Евразия? Или может быть Россия – это Россия как самобытная, самодостаточная и целостная цивилизация, а не придаток чего-либо.

Эта дискуссия началась еще в середине XI века и связана с расколом христианства. Уже тогда, почитаемый православным миром в лике преподобного Феодосий Печерский (один из основателей Киево-Печерской лавры и руководитель одной из первых церковных библиотек на Руси) говорил о необходимости обособиться от Запада и, более того, отказаться от общения с латинянами.

Дискуссия о принадлежности России к Западу или к самой себе в дальнейшем часто актуализировалась. В XVI веке в спорах нестяжателей и иосифлян, в XIX веке в полемике славянофилов и западников, в XX веке в противостоянии евразийцев и космополитов. Современная международная

политическая ситуация (революции, государственные перевороты, «майданы» и «антимайданы») подготовила благоприятную почву и придала новый импульс дискуссии о сущности российской цивилизации и пути ее развития. В этой связи усилилась позиционная борьба между консерваторами (охранителями) и либералами.

На наш взгляд, цивилизация – это в первую очередь система ценностей. Если система ценностей одного народа близка системе ценностей другого народа, то обе этнические общности вполне можно отнести к одной цивилизации или суперэтносу. Иными словами, если обнаружится, что европейская и российская система ценностей близки или даже по ряду позиций идентичны – правы окажутся либералы: Россия есть Европа. И наоборот, если выяснится, что по базовым культурным доминантам Европа и Россия расходятся, то правы консерваторы: Россия есть Россия, а не Европа. Используя терминологию Л.Н. Гумилева нужно прояснить совместимость «групп крови» России и Европы, установить, возможен ли между ними симбиоз, когда этносы «прорастают» друг в друга.

В статье используется понятие культурная доминанта. Под ней понимается идеал, то есть высшая цель стремлений, определяющая способ мышления и деятельности человека. Мы остановимся на одной из самых важных культурных доминант – это представление об идеале будущего человека. Анализ европейской философии показывает, что культурной доминантой западной цивилизации выступал преимущественно человекобог. В евразийской философии веками вырабатывался идеал богочеловека.

В европейском философском сознании идея всеобщего достижения богочеловеческого состояния рассматривалась преимущественно с критических позиций. Лишь Иисус – Богочеловек. Н. Кузанский отмечает, что «человечество существует только ограничено в том или в этом. Вот почему не было бы возможно, чтобы больше чем один действительный человек был в состоянии подняться до соединения с максимальностью» [1, с.119]. Удел

остальных – поиск божественных начал в природе, поскольку Бог является скрытой сущностью всего.

Еще более радикальную позицию занимает Л. Фейербах, полагая, что богочеловек есть олицетворенное противоречие между божественным и человеческим. По мнению мыслителя, страдания Христа были не истинными, а мнимыми, внешними, поскольку «страдание для него, как человека, не было страданием для него, как бога» [2, с.395]. Божественная ипостась Христа не способна к страданию, и это ставит под вопрос миссию спасителя. Л. Фейербах в духе человекобожеской концепции утверждает, что бог как спаситель людей отвечает на запросы, потребности и желания человека, и, следовательно, существо человеческое.

Русская философия, в свою очередь, как правило, не связывает счастье человека с созданием человекобога как великой индивидуальности. В целом логика и центральная установка человекобожеской концепции очень точно охарактеризована В.С. Соловьевым в следующей фразе: «Я для себя – бог; все для меня имеет значение лишь как мое средство; я не признаю в другом лице границы своего эгоизма: единственная граница для меня есть граница моего могущества» [3, с.97]. Философ человекобожескую цивилизацию называет апофеозом кесаря. Человекобог нацелен только на себя, стремится к максимальному расширению своих прав и свобод, что радикально снижает значимость соборного общения. В результате коммуникации начинают носить формальный характер, теряют свою глубину, что атомизирует общество, способствует возникновению феномена «одиначества в толпе».

Человекобожеская концепция сводится в конечном итоге к прогрессизму, который при всем своем пафосе довольно пессимистичен. Поскольку человек смертен, то финалом прогресса станет счастье последних поколений, тогда как их предшественники выступают лишь расходным материалом истории. Кроме того, возникают условия для конфликта между преуспевшими и отстающими на пути прогресса человекобогами (сверхлюдьми). Эта идея явственно проступает у Ф. Ницше, заявившего о том, что цель жизни – это личное счастье,

и ради этой цели сильный имеет право заставить слабых ему служить. В данном случае дилемма «нравственный долг или личное счастье» разрешается в пользу последнего. Кроме того, прогрессизм утверждает закономерный характер прогресса, а значит, не предполагает обязательность человеческих усилий, направленных на самосовершенствование. Это означает, что сама жизнь своим необходимым течением приведет человечество к апогею прогресса.

Корни сущностного отличия концепций богочеловека и человекобога связаны с различиями католицизма и православия в сфере сотериологии. Западное христианство, опираясь на римское право, разработало юридическую теорию спасения. Бог выступает в виде судьи, а человек – подсудимого, который оправдывается перед Творцом добрыми делами. Неотвратимость справедливого суда должна изменять человека, так как никакое удовольствие и страдание в этой жизни не может идти в сравнение с бесконечным счастьем или глубоким несчастьем бессмертной души. Итак, в католической сотериологии достижение бесконечного счастья после смерти обеспечивается добрыми делами при жизни. Эта установка при всей ее гуманистической ценности вводит прагматизм в совершение благих поступков. Во-первых, она мало учитывает интенцию (намерение), поскольку люди могут совершать добро как по своей воле, намеренно, так и внутренне сопротивляясь необходимости его совершить. К сожалению, западное христианство слабо восприняло высказанную еще в XII в. идею П. Абеляра, что следует оценивать не только совершенное деяние, но и интенцию. Во-вторых, добрый поступок теряет самоценность, поскольку из него извлекается выгода (вечное блаженство).

Православное учение о спасении исходит из понимания нравственного совершенствования как процесса «обожения», то есть преобразования человека. Святость ведет к добру, а благой поступок совершается не ради спасения, поскольку совершающий его уже спасен. В итоге воплощение идеала человекобога основано на прагматизме и утилитаризме (рациональном эгоизме). Идеал богочеловека реализуется посредством альтруистической модели поведения.

Сопоставление концепций человекобога и богочеловека представлено в таблице.

Таблица 1

Сравнительная характеристика концепций человекобога и богочеловека

Параметр сравнения	Концепция человекобога («религия хлеба земного»)	Концепция богочеловека («религия хлеба небесного»)
Представление о человеке	«Человек – это <i>смертный бог</i> » (Ф. Петрарка) <i>Человек</i> – высшая ценность	«Человек есть вместе и <i>божество и ничтожество</i> » (В.С. Соловьев) «Тут <i>дьявол с Богом</i> борется, а поле битвы – сердца людей» (Ф.М. Достоевский) <i>Любовь и жизнь</i> – высшие ценности
Представление о пути развития человека и свободе	Этика героизма <i>«Все позволено»</i>	Этика подвижничества «Все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но <i>не все назидает</i> »
Представление о смысле жизни	Личное счастье «Наибольшее счастье <i>наибольшего количества людей</i> » (И. Бентама)	Всеобщее счастье «Счастье должно быть доступно всем и каждому, <i>«счастливым»,</i> – и достойным своего счастья, – <i>должен становиться каждый</i> » (Г.В. Флоровский) «Могу быть счастлив не иначе как <i>в гармонии целого</i> » (В.И. Иванов)

Раскроем подробнее представленные в таблице параметры сравнения. В рамках нашего исследования особую важность приобретает вопрос о качественной оценке сущности человека в концепциях человекобога и богочеловека. В первом случае человек определяется как «смертный бог», а человеческая природа – такая природа, которая была помещена над всеми творениями бога и лишь немного ниже ангелов. Отсюда выводилось представление о человеке как высшей ценности.

Во втором случае человек – это великое в своей трагичности существо, в котором сосредоточены все противоположности бытия: «человек есть вместе и

божество и ничтожество» [4, с.136]. В человеке одновременно присутствуют ангел, человек и бес. Богочеловек способен обуздать беса, но не в силах исключить его из своей природы. «И поэтому мог Богочеловек молиться о чаше и на кресте вопиять: «Боже, Боже, почто Ты Меня оставил?»» [5, с.202]. Однако это не совершенство человека рассматривается как необходимое условие для совершенствования. Богочеловек принимает свое несовершенство, дабы через него прийти к совершенству. Итак, в каждом человеке содержится греховное начало и потому человек не является совершенством и его нельзя признавать высшей ценностью. Есть ценности более высоко порядка, например любовь и жизнь.

Представления о высших ценностях переходят в ментальные установки (архетипы) и существенно влияют на социально-политическую конфигурацию общества. Так трактовка человека как высшей ценности и существа совершенного создает предпосылку для формирования и развития национал-социалистической идеологии. На наш взгляд фашизация Европы стала возможна именно вследствие ментального провозглашения человекобога в качестве идеала. Не случаен и процесс неофашистского реванша, который происходит на наших глазах в некоторых странах Европы. В сентябре прошлого года на сессии ПАСЕ подавляющее большинство европейских парламентариев проголосовало против документа, осуждающего проявления неонацизма в Европе, например марши ветеранов «Ваффен СС» в Прибалтике и бандеровское движение.

В тоже время произвести фашизацию российского сознания очень сложно, поскольку человек в русской культуре трактуется как существо, в котором присутствует греховное начало, то есть человек – несовершенство и потому не может определяться как сверхчеловек (ариец), презирающий недочеловеков. Все грешны, все слабы, но все имеют возможность эту слабость в себе преодолеть.

Человекобог и богочеловек различаются программами совершенствования. Первый исповедует этику героизма, задача которого

спасение человечества (преимущественно будущих поколений) по своему плану с опорой исключительно на свои силы. Герой руководствуется своей идеей и готов ради нее пожертвовать собственной жизнью. Этика героизма предполагает, что герою все позволено поскольку, выражаясь словами Н. Макиавелли – «цель оправдывает средства». Этика подвижничества находится в основе богочеловеческой концепции и предлагает иной принцип – «нравственная цель оправдывает нравственные средства», то есть совесть выступает моральным ограничителем свободы. Примером христианского подвижничества является сам Иисус, пришедший в мир творить волю своего Отца.

Отличаются концепции и в своем представлении о смысле существования человека. В человекобожеской концепции – это личное, а в богочеловеческой – всеобщее счастье. Отметим, что идея о недостижимости одинокого счастья многократно представлена в русской литературе. Достаточно вспомнить трагедию «Пир во время чумы» А.С. Пушкина, являющуюся творческой переработкой произведения английского драматурга Дж. Вильсона. Из 13 сцен А.С. Пушкин оставил только одну и именно ту, в которой священник пытается убедить пирующих в недопустимости их веселья, когда вокруг мир зачумлен и гибнут люди.

Другой пример – это басня о злой-презлой бабе в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», подавшей луковку, но потерявшей свое спасение: «Меня тянут, а не вас, моя луковка, а не ваша». В этом сюжете вскрывается важнейшая нравственная аксиома, развиваемая в русской философии: в атомизированном обществе не спасешься, не будешь истинно счастлив, так как лишь «вместе спасемся» и обретем счастье. Такая позиция в Европе, выраженная в учении Оригена (автор термина «богочеловек») об апокатастасисе, еще в средние века была признана еретической.

В богочеловеческой концепции личное счастье есть исполнение нравственного долга любви к ближнему, служения духу, а не плоти. В.С. Соловьев полагает, что счастье получает нравственный смысл, только если

человек обуславливает свое наслаждение (счастье, пользу) наслаждением других, то есть, иными словами, если в основе действия находится симпатическое чувство или любовь. Однако любовь по В.С. Соловьеву – явление эмпирическое, а потому она не может быть безусловной нормой нравственной деятельности. Таковую норму мыслитель обнаруживает в нормальном обществе, которое определяется им как свободная теократия. На пути к свободной теократии должна исчезнуть сословная и имущественная дифференциация, поскольку только в этом случае будет обеспечена для всех людей одинаковая возможность быть счастливыми.

К таким же выводам приходят и ряд других русских мыслителей. Например, анализируя бунт Ивана Карамазова, представленный в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», богослов и философ Г.В. Флоровский пишет: «Счастье должно быть доступно всем и каждому, «счастливым», – и достойным своего счастья, – должен становиться каждый» [6, с.114]. Здесь обнаруживается явное отличие от ставшей классической и имеющей распространение на Западе формулы И. Бентама: «Наибольшее счастье наибольшего количества людей».

Для русской философии характерна идея тщетности попыток организовать счастье через исключительно рационально-технические решения. Н.А. Бердяев в качестве основного недостатка человекобожеской концепции называет отчуждение проблематики человека во внешнюю сферу устройства социальной жизни. Русские мыслители многократно указывали на то, что социально-экономическое и политическое развитие определяется культурным уровнем и состоянием духовности общества.

В русской философии проанализированы заблуждения и искушения, которые препятствуют развитию богочеловеческой цивилизации. Например, в Европе возник папоцезаризм, в котором папа объявлялся наместником Христа, что приводило к подмене божественного человеческим. Не избежала заблуждений и восточная церковь, участвовавшая в создании цезарепапизма, в котором обоготворялся государь.

Богочеловечество – это двуединство Бога и человека, которое С.Л. Франк выражал формулой $A=A+B$ (А – Бог, В – человек). Воплощение богочеловечества, по мнению В.С. Соловьева, будет происходить через преодоление искушений (подобных искушению Христа): сделать материальное благо целью, направить божественную силу для самоутверждения своей человеческой личности, захотеть владычества над миром, чтобы вести его к совершенству.

К сожалению, эти искушения актуализированы в современном мире и выражены в развитии общества потребления, превознесении человека над природой и ее попрание, борьбе за мировую гегемонию, за роль сверхнации и т.д. Очевидно, что жизнеспособность цивилизации напрямую определяется наличием в ней духовных сил по противостоянию этим искушениям.

В философии, особенно среди последователей учения В.С. Соловьева, сложилась традиция противопоставления богочеловека и человекобога. Однако, было бы большим заблуждением объявлять тупиковость пути человекобога, поскольку именно он приводит к укреплению и развитию в общественной практике прав и свобод граждан, позволяет человеку выдвинуть из себя раба. Однако ахиллесова пята такого пути состоит в разрыве между «Я» и «Ты», так как субъективность «Я» вначале становится первичной, а затем и вовсе противопоставляется субъектности «Ты». В итоге «Мы» атомизируется. Преодоление такого состояния возможно в богочеловеческой цивилизации, построенной на соборном «единстве во множественности». Как справедливо пишет С.Л. Франк, «Соборность есть... органически неразрывное единство «я» и «ты», вырастающее из первичного единства «мы» [7, с.60].

Таким образом, в важнейшей культурной доминанте европейская и российская цивилизация не совпадают. На наш взгляд, это позволяет сделать вывод о том, что Россия не должна рассматриваться как сегмент или придаток европейской цивилизации. Тем более неверно рассмотрение Европы как «старшего брата».

Определение самости российского мира не предполагает его самоизоляции. Взаимодействия европейской и российской (евразийской) цивилизации в условиях глобализации нужны и, в общем то, неизбежны. Другой вопрос о способах взаимодействия цивилизаций. Н.Я. Данилевский называл три способа: прополка (колонизация), прививка (принудительная пересадка), почвенное удобрение (добровольное усвоение). С морально-этических позиций приемлемо лишь последнее.

Следует подчеркнуть, что взаимодействие европейского и российского суперэтносов, не должно перетекать в симбиоз, поскольку в этом случае, по Л.Н. Гумилеву, возникает химера. Последняя приводит к потере национальной идентичности и, что самое опасное, к утрате исторической, мессианской роли народа. В.В. Розанов отмечал, что каждый народ живет в долготу своей темы. На наш взгляд метафизическое предназначение российского суперэтноса состоит в развитии и распространении идеалов богочеловеческой цивилизации или, иными словами, построении соборного общества. Следует помнить, что на этом пути этнические химеры выступают естественными или искусственными барьерами. В качестве примера можно привести современную Украину, в которой в тесном контакте оказались представители различных суперэтносов, что привело в итоге к разноплановой гуманитарной катастрофе.

Богочеловеческая концепция, обоснованная в евразийской философии, позволяет предотвратить отчуждение человека от человека, а значит избежать хаоса. Современная антропологическая катастрофа преодолима через осознание глубины нравственного падения и воплощение идеала богочеловека. Можно предположить, что наступает новая историческая эпоха, в которой, по выражению С.Н. Булгакова, «время евразийствует». «Вместо гонки, обезличивающей, сбивающей с заданного ритма народы, – спокойствие духа, располагающего к самостоянию сущего, что и делает евразийскую модель универсальной» [8, с.49].

Из выше сказанного следует, что Россия имеет самобытную, целостную систему ценностей, свои культурные доминанты, что позволяет ей быть

самостоятельной и вполне цельной цивилизацией. Осознание этой мысли создает фундамент для дальнейших успехов российского культурно-исторического типа. В то же время важно обнаружить такую форму этнокультурного взаимодействия с другими цивилизациями, которая позволила бы найти компромисс между изоляционизмом и самоотречением, а так же способствовала бы развитию соборного единства и сохранению нравственно-религиозного облика россиян.

Литература

1. Кузанский Н. Об ученом незнании / Н. Кузанский. – М.: Соцэкгиз, 1937. – 157 с.
2. Фейербах Л. Избранные философские произведения: В 2 т. Т. 2. / Л. Фейербах. – М.: Гос. издательство политической литературы, 1956. – 405 с.
3. Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т.2 / В.С. Соловьев. – М.: Мысль, 1990. – 762 с.
4. Соловьев В.С. Спор о справедливости: Сочинения / В.С. Соловьев. – М.: Эксмо-пресс, 1999. – 196 с.
5. Карсавин Л.П. Религиозно-философские сочинения / Л.П. Карсавин. – М.: Ренесанс, 1992. – 233 с.
6. Флоровский Г.В. Из прошлого русской мысли / Г.В. Флоровский. – М.: Аграф, 1998. – 432 с.
7. Франк С.Л. Духовные основы общества / С.Л. Франк. – М.: Республика, 1992. – 500 с.
8. Григорьева Т.П. Путь России // Вопр. Философии. – 2009. – №2. – С. 39-49.

Zadvornov A.N., Ph.D., Associate Professor. Branch of Kazan (Volga) Federal University in Naberezhnye Chelny.

CONCEPTS OF THE MAN-GOD AND THE GOD-MAN IN EUROPEAN AND EURASIAN PHILOSOPHY.

Abstract: The article deals with the analysis and comparison of the images of the God-man and the man-God as cultural dominants of civilization. It is shown that the ideal of the man-God has been elaborated in European and the God-man in the

Eurasian philosophical consciousness. It is concluded that European and Russian civilizations do not coincide in the most important cultural dominant. The interaction of these civilizations is useful in the form of voluntary assimilation of positive experience, but should not go into a symbiosis, which, due to the difference of cultural dominants, will be accompanied by the risk of losing of national identity. Metaphysical mission, consisting for the Russian people in the development of the God-man civilization stands as the core of the national identity.

Key-words: God-man, man-God, cultural dominant, national identity, sobornost.